

«Пустотой звеня»

Заметки о сборнике «День поэзии. 1983»

Сборник «День поэзии. 1983» — ежегодник московских поэтов, выпускаемый издательством «Советский писатель». Быть автором такой книги почетно и ответственно: ведь по нему читатели вправе судить об общем уровне русской советской поэзии наших дней.

Начинается «День» с хорошего «Рассвета» — сильного, графически четкого стихотворения В. Кострова: «Как солнца яростное тело в ночном окне, явилась Ленинская Тема опять ко мне».

Яркой, а бы сказала — мальвинской — кистью написаны стихи Н. Тряпкина о возвращении красноармейца с гражданской войны: «Это было в таком далеком и в таком золотом году!.. Дед мой Филя парит, как сокол, и притоптывает на ходу. А вокруг меня скачет бабка и все эдак поет, поет: «Вот теперь увидишь папку. Поднимайся, гляди: идет!..» Ах, не свет исторгает глина, и не с громом сходится гром, — то отец повстречался с сыном, то расплакались сын с отцом».

Вообще, открывающий альманах небольшой раздел «Память» настраивает читателя на встречу с интересными поэтами, значительными стихами. Но сразу же хочу сказать, что в «основном поэтическом потоке» (использую терминологию редколлегий) многое огорчает.

Нередко критиков обвиняют в бездоказательном утверждении того или иного выдвинутого ими положения. Боюсь, что меня легко будет обвинить в обратном — злоупотреблении цитатами. Однако «злоупотребление» это сознательное и вынужденное: они в данном случае говорят сами за себя. Прежде всего удивляет смакование своих «невыносимых», непонятно чем вызванных, душевных мук: «Вот и кончилось время мое, и в глазницах пустых поселилось неземное мое бытие...» (В. Авсарагов); «И спать невмочь, и жить не могу... И женщину уже как маету приемлешь» (Н. Котенко); «Смертью тынет со двора...» (М. Шелехов), за «мертвым хлебом» следует «мертвая вода», потом — «мертвая земля»... А вот, так сказать, «картинка с натуры»: «У порога старухины дети положили еловые ветви. Еще тело не вынесли, но уже стали делить барахло. И дрались, а потом веселились...» (В. Попов).

Резво вынырнули из небытия водяные, черные птицы, элзевские вороны и коты, ходящие по пятам за нервными пиитами. Вот звучит мо-

нолог человека, преследуемого «голосами» ночных птиц: «Ничего со мною не случится, ночью в дверь никто не постучится, в армию меня не призвуют. Но не знаю, что со мной творится, даже если мертвым притвориться, — господи! — поют, поют, поют...» (В. Артемов).

У Г. Русакова, перед солидной подборкой унылых стихов которого редколлегия сочла нужным подчеркнуть, что он «поэт страстного, чистого голоса», я нашла только одно действительно свежее, ясное четверостишие: «То кружило меня, то качало по земле не моих языков, где почти святотатством звучало даже имя мое — Русаков». Но в этом же стихотворении ставят в тупик никак не связанные с текстом последние строки: «А нелюбого сына забудет молодая разгульная мать». Кого подразумевает автор под этой «разгульной» матушкой и ее «нелюбим сыном»? Что несут в себе эти образы?

Трудно понять мотивы, по которым в альманах попала поэма В. Державина «Первоначальное накопление», опубликованная в 1936 году...

Бестактны строки в стихотворении А. Брагина «Земля с кургана славы»: «Мне капсулу с землей вручили на кургане, священная земля теперь в моем кармане».

И можно ли так обращаться с болным отцом-фронтовиком, не способным «добра и денег наживать», как это делает лирический герой Н. Новикова: «Я стисну зубы и спрошу с мучительной тоской, да, стисну зубы и спрошу: — Зачем ты мне... такой?»...

Немало в «основном потоке» стихов, выдаваемых за серьезную поэзию, но вызывающих только недоумение и ироническую улыбку. Вот одно из довольно многочисленных, воспевающих Бахуса: «Загулал трудовой молодецкий народ — почему-то он в гости ночами идет. Оттого ль, что влеком запевалами, что живу близ кафе-забегаловки, да на первом еще этаже?.. Как поют по ночам, как шумят! В мою дверь кулаками сегодня стучат». И названо-то стихотворение его автором Е. Самченко... «Вешние силы»!

Но и такая «жизнерадостность» — исключение. Большинство же молодых авторов, как я уже отмечала, пребывают в глубоком миноре: «...Едет мужик на разбитой телеге, думая думу о позднем ночлеге — прямо беда! Еду и я непонятно откуда и неизвестно куда»

(А. Третьяков); «То ли годы бегут от меня, то ли сам от себя убегаю, я бегу, пустотой звеня, и себя самого догоняю» (Е. Митасов)...

Обеими руками подписываюсь под опубликованной в этом же альманахе страстной, пронизанной болью и тревогой за судьбы отечественной поэзии статьей Е. Исаева, где, в частности, он спрашивает: «Откуда эти молодые старички, в домашних теплых тапочках?»

От стихов «молодых старичков» несет нафталином: «Дни огни до тла сгорели. Ночи очи проглядели. Весны-звезды отцвели. Годы-воды на мели. А по Лете ходят дети, яко по суку идут. — Где бывали? — На том свете. — Что видали? — Что и тут». (Э. Балашов). Так ли уж безобидно это бегство от жизни в Лету, к мистическим ангелочкам с ироническим складом ума?..

Но неужели среди «молодых» (я имею в виду возраст не паспортный, а, так сказать, поэтический) нет интересных поэтов, хороших стихов? Есть, конечно. Трогают своей искренностью Л. Завальнюк, сердечностью — А. Шаталов, солдатской мужественностью — М. Владимов...

С радостью глотаешь свежий ветер жизни в стихах Н. Грибачева, А. Софронова, Р. Рождественского, С. Видулова, М. Матусовского, В. Соколова, В. Фирсова, Е. Евтушенко, А. Дементьева, Ф. Чуева, М. Львова и некоторых других известных поэтов. Правда, чаще всего это — перепечатка из периодики. Кстати, хочу подчеркнуть, что перепечатка в «Днях» хороших стихов, по моему, должна стать традицией.

Женщин-поэтов в альманахе поместили почему-то особняком, как в бане, после мужчин. И после «новых имен», естественно, исключительно мужских.

Тут невольно вспоминаешь одно высказывание на последнем писательском съезде главного редактора «Дня поэзии» 1983 — Ю. Кузнецова. Высказывание о том, что в поэзии для прекрасного пола «существует только три пути: рукоделие (тип Ахматовой), истерия (тип Цветаевой) и подражание (общий безликий тип)».

Уместно вспомнить известный афоризм, что среди мужчин есть «поэтессы», а среди женщин — поэты...

Душевным здоровьем, полным отсутствием литературного кокетства и манерной изломанности, свойственной «поэтессам» обоего пола, привле-

кают стихи Т. Сырышевой: «...Крупные руки мои, руки жницы, не женские, — долго лепили их предки мои деревенские». А как просто и образно сказала она о труде поэта: «Мое окно — рабочее. Имея цель свою, не камни я ворожаю, а все же устаю».

Афористичные строки Н. Матвеевой «Смешно, когда из-под небесной тоги обычные выглядывают ноги» можно отнести к стихам некоторых представителей сильного пола. Трудно, например, без усмешки читать такое заявление Н. Дмитриева: «Я — добрый бог. Без чванства божьего и всем понятен до конца. И ты люби меня, хорошая, как человека и творца». Дмитриев — человек талантливый. Но ему, как и многим его коллегам, здесь изменило чувство меры — стихи приобрели неожиданный комический оттенок.

Авторам же иронического раздела альманаха юмора как раз и не хватает. Даже Н. Тряпкину, большинству серьезных стихов которого свойственна добрая и умная улыбка. Трудно поверить, что он написал такие строки: «Мне снился сон, что вы моя жена и я вам так позорно изменяю, и будто вы — такая сатана, что я всегда куда-нибудь сиғаю». И дальше — на таком же «сиғающем» уровне...

Восьмистишие И. Овчинникова: «Намедни сон летел такой: в саду играли звери. И вдруг с пробитой головой свалился лев у нашей двери. Страдалец, все еще живет. Шевелит лапами, губами. И грустно так глядит: «Ну вот, я умираю, Ваня».

Невольно хочется спросить: «Что здесь смешного, Ваня?»

А это: «Мело полем. Но сишел клен — и сон. А ну, лети, луна! Были миги милы б»... Да, каждую строку здесь можно читать не только слева направо, но и справа налево. Ну и что? Зачем использовать высокую трибуну «Дня поэзии» для литературных игр?

Нет, не могу согласиться с заявлением редколлегий, что «этот «День» проходит под знаком В. Маяковского» — только немногие стихи в нем озарены светом гражданственности. Погоду в сборнике делают — увя! — не они: ведь в книге участвует около двухсот поэтов.

Да, в альманахе помещены статьи Е. Исаева, воспоминания современников о В. Маяковском, интервью с зарубежными литераторами о роли великого поэта в интеллектуальной и общественной жизни их

стран. Но в этом разделе есть и статья Д. Ильина «Поэзия образа», противоречащая важнейшим идейным и художественным принципам Маяковского и опять-таки пародийная по стилю: «...Распад образа сразу высвечивает значимость интеллекта: если при этом эмоциональная часть не только не ослабевает, напротив, усиливается, то многомерное смысловое пространство вырождается в одномерную мысль (образ слагается, мысль излагается). То есть акцент от интеллектуальных эмоций смещается в сторону первой сигнальной системы».

Автор поставил перед собой задачу — возвести на пьедестал «самого «тишайшего», по оценкам критики, поэта» В. Казанцева, якобы «наиболее полно возродившего традиционную эстетику».

Как же «возрождает» ее поэт? Раскрываю альманах, цитирую стихотворение целиком: «Прославь в веках свою свободу — уйми и гром — и свет — и снег! Смирю реку — сломлю природу! Себя убей — себе в угоду! Ты, всемогущий человек...» Какие традиции возрождает здесь «тишайший» поэт?

Невольно даже повторять общеизвестную истину, что в наше тревожное время и «любимцы муз» должны быть душевно мобилизованными. Ведь поэт, как считал М. Горький, — эхо мира, а не только няня своей души.

Но как тут не повторить эту истину, если С. Кунаев начинает свое шестистишие так: «Надо сигарету в зубы сунуть и на мировую смуту плюнуть, а иначе душу съест печаль...»

Я вовсе не предлагаю писать только антивоенные стихи, хотя они, конечно, необходимы, как патроны винтовке. «Потому что земные пути каменисты еще, к сожалению... И неведомо, что впереди у солдат моего поколения». Это строки из стихов молодого поэта Е. Чеканова — точные строки.

Но душе нужны и стихи о любви, о товариществе, о земной красоте, о космосе.

На этом я закончу свои заметки о «Дне поэзии. 1983», в котором, как утверждает редколлегия, она попыталась выявить «основные глубинные течения» в море «современного стихотворчества».

Действительно, «течения» выявлены. Но, на мой взгляд, многие из них вовсе не «глубинные», а поверхностные — они, может быть, характерны для «стихотворчества», но не для истинной поэзии.

Юлия ДРУНИНА.